

ПОЭЗИЯ

Зная Александра Иосифовича Немировского (1919—2007) со времени своего поступления на исторический факультет ВГУ, я воспринимал его как исторического романиста (его книги я читал еще школьником) и ученого-этрусколога. Потом пришло понимание его роли как популяризатора древней истории, составителя многочисленных книг для чтения, предназначенных школьникам. Немировский как поэт предстал передо мною лишь в последние годы жизни, хотя

стихи в авторском исполнении я слышал на университетских веснах в 1970-е годы и других факультетских мероприятиях. Почему-то в памяти запечателось, что они были посвящены военным сюжетам либо воспоминаниям о минувшей войне. Сам Александр Иосифович тогда стихи свои почти не публиковал, лишь изредка они появлялись на страницах университетской многотиражки. И только начиная с 1992 года, когда он давно уже обосновался в Москве, стали выходить скромные малотиражные сборнички (все они есть у меня с дарственными надписями) со стихами разных лет и переводами Германе Гессе, Гарсиа Лорки. Стихи А. И. Немировского вошли в поэтические антологии МГУ (2003) и ВГУ (2003). В последние годы жизни, когда уже трудно было выходить в библиотеку, следить за новой литературой по античности, Александр Иосифович все чаще стал обращаться к стихам. И в сознании его друзей и учеников Немировский-поэт становится вровень в Немировским-историком и Немировским-прозаиком.

Все, что написано Немировским-поэтом, опубликовано. В этом заслуга его вдовы Ларисы Григоренко, бережно воспринимающей любую строчку, написанную малоразборчивым, но таким знакомым почерком. В настоящую подборку вошли стихи из разных сборников, написанные в воронежский период (1957—1978). В них — приметы времени, хотя и мало местных реалий. Исключения — «Прощание с Воронежем», созданное в 1995 году, и посвященное О. Э. Мандельштаму, и «Воронеж», отнесенное автором к началу 1990-х годов.

Александр Акиньшин

СКРЕЩЕНИЕ МИФОВ

Некогда был для меня Воронеж местом обитания, работы и любви. Ныне он скрещение мифов. Первым был geopolитический миф о море. Помнила Россия о временах, когда предки ходили на Царьград. Воодушевленный этим мифом юный царь Петр избрал неприметный Воронеж местом создания флота и вышел на галерах к Азову. Но Черное море тогда осталось мифом. Пришлось Петру искать другое.

Век спустя в том же Воронеже жил юный Александр Чертков. От своих учителей в доме на Малой Дворянской он услышал об этрусках, стоявших у истоков Рима и владевших большей частью Италии. Он загорелся мечтой побывать в стране этрусков, Тоскане. Ничто ему, внуку генерал-губернатора, не мешало осуществить эту мечту. Но вот в Россию вторгся Наполеон, и пришлось Александру на время забыть о Тоскане и в составе русской

армии с боями пробиваться к Парижу. В стране этрусков он оказался лишь в 1823 году и прошел ее дважды всю, от Флоренции до Рима и от Рима до Флоренции. Вскоре после этого он, будучи противником норманнской теории, написал книгу о малоазийском народе пеласгов, от которых пошли как этруски, так и славяне. Поэтому он стал читать этрусские надписи, используя русскую лексику. Современники, посмеиваясь над Чертковым, излагали содержание этой в высшей степени интересной книги словами «этруски это русские».

Век спустя после выхода в свет этой книги в Воронеже оказался не по своей воле великий поэт Осип Мандельштам. Для него, как для России при Петре I, не было выхода к морю. Обращаясь к гонителям своим, он писал:

*Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насилиственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.*

Неизвестно, слышал ли Мандельштам о Черткове и его мифе, но «шевелящиеся губы» ссылочного выразили то, о чем коренной воронежец Чертков мечтал в юности:

*От молодых еще воронежских холмов
К вселеновеческим — яснеющим в Тоскане.*

Родиввшись на Днестре, чье древнее имя Тира, состоит из трех согласных, с помощью которых древние египтяне называли народ ТРС, а греки тирсенов (этрусков), я учился в Москве и еще в юности готовил себя к занятию

историей земли древних тирсенов-этрусков Эtruрии — Тосканы. И я, как Чертков, участвовал в освободительной войне и дошел как победитель пусть не до Парижа, но до Дрездена. Но путь в страну моей мечты был для меня закрыт на столько же лет, сколько потребовалось моим предкам, чтобы дойти от Египта до страны обетованной. Так я оказался в Воронеже и он стал для меня этой страной. Я читал лекции об этрусках в доме на Большой Дворянской — недалеко от здания, где служил дед Черткова, а жил на Малой Дворянской — дом находился на месте особняка Чертковых. Дом же, в котором в 1936 году жил ссылочный Осип Мандельштам, стоит на той же улице, напротив. И, конечно же, никто другой, а я опубликовал впервые в Воронеже воронежские стихи Мандельштама. Но этого мало. Я стал в Воронеже этрускологом и создал журнал, носящий имя этрусской богини судьбы Норции. Журнал этот под тем же названием выходит в Воронеже и Афинах. В одном из первых его номеров была статья об Александре Дмитриевиче Черткове. Какое скрещение случайностей и закономерностей!

В Тоскану я попал глубоким старцем. Для этого пришлось разрушить империю, в которой я родился. И не знаю, радоваться ли мне этому или нет? Ведь Таврия, которую я для себя открыл, выезжая на раскопки с воронежскими студентами, уже зарубежье.

Теперь я уже не занимаюсь этрусками и их страной Тосканой. Я стал специалистом по мифам, ибо наша жизнь — сплошной миф!

СТИХИ ВОРОНЕЖСКИХ ЛЕТ

Лорка

*Федерико Гарсия Лорка!
В каждом звуке и в каждом слове
Ощущается привкус горький
Твоей андалузской крови.*

*Череда кипарисов черных
Не грустит над твоей гробницей.
Я не знаю, какие корни
Проросли сквозь твои глазницы,*

*И какие несутся стаи
В опрокинутом небе синем.
Только вижу, что ты прорастаешь
В каждом зернышке апельсинном.*

* * *

*Как найти тебя, паутинка,
Удержать тебя навсегда,
Слово, ломкое, словно льдинка,
И слоистое, как слюда?*

*Как не сделать тебя иконой
Иль картиною на стене,
А остаться навек влюбленным,
Задохнуться тобою во сне?!*

1971

*Мне б дожить до весны... До которой?
Все равно до какой. До весны.
Чтобы хлынули в душу сквозь шторы
Ослепительной юности сны,*

1964

Чтобы сердце березовой почкой
Раскололось для жизни иной,
И стихов неоконченных строчка
Оборвалась звенящей струной.

1971

Вглядись, как отсюда суровой
И призрачней жизни следы.
Утесы, как стадо слоновье,
Понуро стоят у реки.

Прислушайся: это не ветер
Колышет верхушки стволов —
Минувших тысячелетий
Звенящий доносится зов.

И вот уже чудо-триеру
Колотит священная дрожь.
Заливом сверкающе-серым
Вослед аргонавтам плыешь.

Но манит тебя не добыча,
Не блеск золотого руна —
Ушедшего мира величе,
Свершений его глубина.

1972

Монима

Сквозь потоки огня и дыма
Разделяющих нас времен
Ты явилась ко мне, Монима,
На холодный мой небосклон.

И в тебе обретая веру,
Заколол я белых быков
И направил свою триеру
По морям двадцати веков.

За кормой бушевало время,
Оставляя огненный след...
Митридат! Я в твоем гареме.
Ты властитель, а я — поэт.

Ты гонитель, а я — гонимый.
Но в любви мы с тобой равны.
Я пришел к тебе не из Рима,
Как гонец четвертой войны —

Я пришел к тебе за любимой,
К той, в чьей гибели ты виноват.
Я пришел за тобой, Монима!
Дай мне выпить из губ твоих яд!

1972

Памяти Николая Майорова

Еще не выпал наш последний снег,
Тот самый снег, что принесет разлуку.
И мы гребем с тобою, как во сне,
Лопатами, как веслами, сквозь вылогу.

Еще не выпал наш последний снег,
Я говорю вам: нет, еще не выпал,
Еще растают в солнечном огне
Осколки дней, как смерзшиеся глыбы.

Еще ударит над полями гром,
Еще цветы мы будем мять по лугу,
Еще своих любимых мы найдем,
Как музыкант находит тон по слуху.

Встают сугробы, словно берега,
И мы скользим меж ними, как фрегаты.
И музыка звучит издалека,
Прекрасная, как лунная соната.

Свистит поземка, заметая след.
И нет уже обратно нам дороги,
И в мир, как в недописанный сонет,
Ведут нас ослепительные строки.

1974

Воронеж

Боюсь с тобой встречи, Воронеж.
Она для меня — свыше сил.
Коснешься, и сразу утонешь
В буряне родных мне могил.

Твое растранирил я время,
И стал, как отец мой, седым.
И страшно мне встретиться с теми,
Кто помнит меня молодым.

Стоите вы перед глазами,
Кто зрим был, а кто и незрим:
Кто сдал мне по Риму экзамен,
И кто не пустил меня в Рим.
Прошение с Воронежем
Гудок. Качнулось здание вокзала
И тронулись деревья заодно.
И, словно строчки, замелькали шпалы,
Переходя в сплошное полотно.

Прошаются с пластами чернозема
Всю скорость набирающий состав.
Проносятся уже Отражки с громом
Над гладью вод нависшего моста.

И остается за окном Воронеж,
На ссыльного теряя все права.
Но не ликует человек в вагоне.
Дрожит его больная голова.

И ищут губы, губы ищут слово,
Но начисто разобран лексикон:
Ворона. Нож. Воронеж. Обворован.
Без крова. Кровь. Бесчестие. Закон.

И всю дорогу не дает покоя
Поэту мысль, сводящая с ума:
Осталась за Воронежем-рекою
Не горечь ссылки — жизнь его сама.